

Гоудань аккуратно лизнул языком пустую десну и озадаченно замер.

«Это что же теперь, еда сквозь дыру вываливаться будет?»

Ли Сы с доброй усмешкой взял выпавший молочный зуб, положил его на ладонь и протянул сыну:

— Ничего, сынок, через пару дней заживёт. А как новый вырастет, так ещё краше прежнего станешь! Вон у твоих двоюродных братьев, Цзиньбао да Иньбао, тоже зубы выпадали, и ничего — новые вымахали!

Гоудань подумал, что отец дело говорит. Он попросил батю забросить зуб на крышу — на счастье, а сам припустил в палату к Ван Сюаню.

Староста откашлялся и негромко отчитал Ли Сы:

— Ты чего работу бросил и сюда прибежал? За прогул вообще-то рабочие баллы вычитают. Ладно, так и быть, зная твоё рвение, на первый раз прощаю.

Ли Сы виновато улыбнулся и почесал затылок:

— Да прослышал я, староста, будто Гоуданя в больницу увезли, вот и заволновался...

— А вот за Гоуданя твоего хвалю, — староста важно кашлянул. — Мальчишка себя по-геройски показал, отзывчивым вырос. Нашей бригаде как раз таких равнодушных товарищей и не хватает.

Ли Сы слушал и только глазами хлопал. Уж кого-кого, а собственного сорванца он знал как облупленного. Какой из него «отзывчивый товарищ»? В деревне его иначе как мелким оборванцем и не звали, а тут вдруг — товарищ...

— Староста, так мы...

— Ли Сы, ты ведь мужик уже в годах, — перебил его староста, прищурившись. — Новую жену тебе вряд ли найти, так и останешься с одним Гоуданем. А семья маленькая — рабочих рук на полях не хватает, тяжело вам придётся.

— Твоя правда, — уныло вздохнул Ли Сы. — Да только покойница моя успела лишь одного родить.

Это и самому ему покоя не давало.

— Оно конечно, родная кровь — дело важное, — кивнул староста. — Но если своих бог не дал больше, почему бы не принять кого со стороны? Сироту какую приютить.

Ли Сы не нашёл, что возразить, и просто молча кивнул. Староста, заметив, что почва подготовлена, зашёл с козырей:

— Кхе-кхе. Вот скажи мне, Ли Сы, а если Ван Сюань у вас жить станет? Как тебе такая мысль?

— Чего? — опешил Ли Сы.

Что значит «у них жить»? Ли Сы покосился на замершего неподалёку Чэнь А-да, который сжался и сидел бревном у стены. Мужик он был хоть и простой, но не глупый, намёк старосты сразу понял.

— Так ведь... это...

— Самим жрать нечего, — буркнул Ли Сы.

По-человечески Ван Сюаня ему было безумно жаль, но взваливать на себя лишний рот, когда в доме каждая крупица на счету, казалось чистым безумием.

Староста и сам понимал, что просит о невозможном. В те годы в деревне детей у всех было пруд пруди, кормить замучаешься. А те немногие бездетные — либо бобыли нищие, сами не знающие, перебьются ли до весны, либо дряхлые одинокие старики, живущие на подаяния соседей. Жизнь была ключом, и этот ключ в основном бил по голове — суровая деревенская реальность.

— Да ведь твой оболтус мне сам все уши прожужжал! — со вздохом добавил староста. — Твердит, мол, заберём Ван Сюаня к себе, и всё тут.

— Гоудань? Он правда так сказал?

— Ну а кто же ещё? Раз а три ко мне подходил, просил. Если заберёшь пацана, бригада вам поможет. Выделим зерна из резерва, безвозмездно, отдавать не придётся. А там и до летней жатвы дотянете, полегче станет.

Ли Сы вовсе не горел желанием растить чужую кровь. Но если сын так отчаянно хочет брата... Пацаненку уже семь лет, обузой быть не должен, по хозяйству поможет. А если он сам, Ли Сы, будет вкалывать на полях не жалея сил, то на троих рабочих баллов должно хватить. Прокормятся как-нибудь.

В этот момент Чэнь А-да, всё это время сидевший безучастной глыбой, зашевелился. Он

босыми ногами подковылял к старосте и робко забормотал:

— Староста, слышь... Мальчишка-то наш вообще-то. Родня как-никак.

— Ишь ты, опомнился! — фыркнул староста.

Чэнь А-да тут же втянул голову в плечи. Староста недовольно хмыкнул. В своей деревне он был царём и богом — как говорится, далёкое начальство не рассудит, а свой староста живо приструнит. Вся жизнь общины, распределение работы и хлеба, находились в его руках. С Ли Сы он ещё разговаривал по-хорошему, уговаривал, а вот на мнение Чэнь А-да ему было плевать с высокой колокольни.

— Он тебе племянник, говоришь? — сурово припечатал староста. — Да только вы его за человека не считали! Мальчишка совсем, сирота, а вы, как его родителей не стало, извели пацана, смотреть тошно!

— Да мы чего... Это всё его тётка... — пролепетал в оправдание Чэнь А-да.

— Заткнись лучше! Кабы малец на тот свет не собирался, я бы в твою зловонную яму и лезть не стал!

Сам-то Чэнь А-да нищеводом был знатным, во всей округе никто за него девку отдавать не хотел. Зато сестрица его, Чэнь Сянхуа, уродилась первой красавицей. Семья поначалу планировала устроить обменный брак, чтобы и А-да бабу раздобыть — дело в глухих деревнях привычное.

Да только Сянхуа упёрлась: наотрез отказалась выходить за хромого старика из соседней деревни Ван. Вместо этого закрутила шуры-муры с приезжим образованным юношей, Ван Юйчэном. Вскружил ей городской голову, девка забеременела, грозилась с собой покончить. Слепшей матери ничего не оставалось, кроме как со слезами на глазах ползти в ноги к старосте и умолять о помощи.

Деревенские тогда дружно прижали приезжего интеллигентишку к ногтю: девку испортил — изволь жениться! Отвертеться не дали. Наспех сообразили скромную свадьбу на два стола, так они и стали жить вместе.

Обменный брак с семьёй Ван, само собой, рассыпался. Но слепая старуха не сдалась: выскребла из сундуков последние гроши, приплюсовала к ним скудный выкуп, который со скрипом отдал зять-интеллигент, и через сваху сосватала Чэнь А-да девку из соседнего села.

Звали невесту Ван Хэймэй. Была она черна лицом, уродлива и статью пошире многих мужиков. Впрочем, для крестьянского хозяйства баба крепкая — первейшее сокровище. С лица воду не пить, в поле пахать кому-то надо, а ночью под одеялом все кошки серы. В деревнях такие девки

долго не засиживались.

Но Ван Хэймэй ухитрилась засидеться в девках до двадцати лет. Характер у неё был лютый — чуть что не по ней, могла и свёкра со свекровью скалкой перетянуть. Какая мать в здравом уме пожелает своему сыну такую фурию?

Слухи ходили один грязнее другого. В общем, репутация у Хэймэй была прескверная. Для её родителей породниться с нищим, но тихим Чэнь А-да казалось избавлением. Сплавить вздорную девку, да ещё и копеечный выкуп получить — за милую душу!

С тех пор как Чэнь А-да привёл в дом эту громаду, его жизнь превратилась в кошмар — колотила она мужа нещадно. При таком безвольном дядьке и свирепой тётке маленькому Ван Сюаню в их доме жилось несладко, это и без слов всем было ясно.

— Ладно, убирайся, — махнул рукой староста. — С Хэймэй я сам поговорю, когда в деревню вернёмся.

Ли Сы тоскливо вздохнул. Нрав у его сынишки был упрямый — если что в голову втемяшится, не выбьешь. А тут ещё и староста насеждает, сироту навязывает. Ну и дела...

— Ты бы пошёл сперва с Гоуданем потолковал, а? — предложил староста.

Ли Сы молча кивнул. Умом он не блестал, но понимал, что староста дело говорит и уважает его мнение. В глубине души он уже всё решил: если сын согласен — то и он перечить не станет.

Тем временем в палате Гоудань бдительно следил, как Ван Сюаню измеряют температуру. Он замер у кровати, придерживая руку больного, чтобы тот ненароком не выронил градусник.

Ван Сюань медленно, сквозь пелену слабости приоткрыл глаза. Первое, что он увидел — смутные очертания чьей-то круглой, огромной головы.

— Брат Гоудань?.. — едва слышно прошептал он.

— Угу, — отозвался тот, оторвавшись от созерцания стеклянной трубочки подмышкой друга.

Ван Сюань слабо улыбнулся про себя. Точно, он не ошибся — эту приметную стриженую макушку ни с кем не спутаешь.

— Очнулся? Может, ещё поспишь? Доктор сказал, во сне раны быстрее затягиваются.

Голова у Ван Сюаня раскалывалась. Он жалобно скривился, готовый вот-вот разрыдаться, но

сдержался. Лишь тихонько шмыгнул носом и пролепетал:

— Брат Гоудань, голова так сильно болит... И пить хочется.

— Сейчас, погоди немного.

Гоудань кубарем вылетел в коридор и подбежал к пожилому лекарю:

— Дедушка доктор, А-Сюань очнулся! Воды просит.

И уставился на него своими круглыми глазищами... вернее, не на самого врача, а на его большую глиняную кружку с чаем.

Доктор только усмехнулся в бороду:

— Сяо Чжоу, налей-ка малому тёплой водички.

Молодая медсестра недовольно поморщилась, но всё же взяла свою личную кружку, зачерпнула из стоявшего на печи чайника тёплой кипячёной воды и протянула мальчику:

— Держи. Только кружку вернуть не забудь!

Гоудань расплылся в улыбке, вежливо поблагодарил и, бережно неся кружку обеими руками, усккал обратно к Ван Сюаню.

Пока Ван Сюань медленно, маленькими глотками пил воду, медсестра проверила градусник. Температура спала, и мальчику разрешили долечиваться дома. К этому времени солнце уже поднялось в зенит — наступил полдень.

Убедившись, что Гоудань и впрямь твёрдо намерен забрать друга к себе, Ли Сы лишь тяжело вздохнул и согласился на предложение старосты.

Староста сам расплатился за лечение и выписанные порошки. За всё про всё вышло ровно один юань и двадцать пять фэней.